

Рев Лу Чэня прозвучал подобно лязгу металла о металл, вложив в себя ярость, способную испепелить всё сущее, и непреклонную решимость, которая тяжким грузом обрушилась на мертвую тишину леса, окутанного миазмами.

В его глазах плясал слабый, но неземной по своей сути золотой огонек, казалось, готовый обратить в пепел и Цзян Яня, и его слова о том, что интересы Трех Миров превыше всего.

Лу Чэнь вцепился в руку Цзян Яня с такой чудовищной силой, что кости того жалобно застонали под невыносимым давлением. Однако Цзян Янь не попытался вырваться. Он замер на месте, словно пригвожденный этим взглядом, полным ярости и безумной одержимости. Серо-фиолетовые миазмы беззвучно клубились между ними, а искривленные деревья отбрасывали жуткие тени.

В глубине холодных фиолетовых глаз Цзян Яня сейчас бушевал небывалый шторм.

И дело было вовсе не в адской боли в руке, а в том откровенном, не допускающем двусмысленности безумии, которое сквозило в словах Лу Чэня: ради него он готов пойти против Трех Миров, ради него готов позволить власти Пути Неба сгинуть в небытии.

Почему?

Этот вопрос, подобно удару грома, прогремел в смятенном сознании Цзян Яня, мгновенно вытеснив и потрясение от повреждения собственной души, и бдительность по отношению к небесным демонам из иных миров.

Он никогда не думал об этом!

Никогда не предполагал, что Лу Чэнь — этот Небесный император, который вечно скалился в издевательской усмешке, бесконечные эпохи шел с ним наперекор и ни во что не ставил даже собственный божественный сан, — ради него дойдет до такого!

Взорвать Императорскую Печать! Уничтожить половину собственной души! Прыгнуть в колодец перерождения!

А теперь он еще и говорит о том, что готов принести Трое Миров в жертву?

Это давно вышло за рамки товарищества или братства по оружию.

Это было нечто совсем иное.

Фиолетовые глаза Цзян Яня сузились, словно ледяное озеро, ослепленное ярким светом. Его охватило глубочайшее замешательство, неверие и растерянность, словно кто-то насильно

разорвал привычную картину мира.

Он попытался отыскать в глазах Лу Чэня, где полыхало золотое пламя, хоть след шутки или притворства, но увидел лишь бездонную, не терпящую сомнений... правду.

— Ты... — голос Цзян Яня звучал до ужаса сухо, с едва уловимой дрожью, которую он не смог скрыть. Наконец обретя дар речи, он задал лишь самый прямой и важный вопрос: — ...почему?

Почему ты готов зайти так далеко ради меня?

Почему ты можешь быть... настолько безумен?

Золотое пламя в глазах Лу Чэня словно опалило этим прямым вопросом, и оно задрожало.

Необузданный гнев, подобно лопнувшему пузырю, мгновенно схлынул, сменившись внезапной растерянностью и смятением.

Почему?

Этот вопрос, словно раскаленный клинок, вонзился в самое сердце, которое он скрывал бесчисленные эпохи.

Он машинально попытался, как обычно, отмахнуться привычной издевательской маской.

— Ха? Почему? — Лу Чэнь дернул уголком рта, пытаясь выдавить из себя небрежную ухмылку, но на его бледном, измученном лице она выглядела жалко и надломленно. — Разумеется, потому что ты мне задолжал, Юомин! Ты забыл, сколько выпивки ты мне должен со времен Небесного Двора? Сколько драк? А еще ты сбежал в Юомин, чтобы стать там каким-то Великим Императором, из-за чего мне пришлось...

Он говорил быстро, но голос становился все тише и слабее, а взгляд начал блуждать, не смея больше встречаться с пронизательными фиолетовыми глазами собеседника.

Он не мог продолжать врать.

Под пристальным взглядом Цзян Яня, спокойным, как бездна, и в то же время пронзающим саму душу, любая легкомысленная ложь выглядела блеклой и нелепой.

Он слишком хорошо знал Цзян Яня. Этот пронизательный Великий Император Фэнду, видящий саму суть Юомина, никогда бы не купился на столь жалкую отговорку.

Воздух словно застыл, слышался лишь отдаленный рык демонов да стон текущих миазмов.

Пальцы Лу Чэня, сжимавшие руку Цзян Яня, невольно ослабили хватку.

Он опустил веки, и густые ресницы отбросили тень на бледное лицо, скрывая бушующие в глубине души чувства, готовые вот-вот прорвать плотину.

Он открыл рот, словно в горле застрял раскаленный песок, и лишь после нескольких попыток смог выдавить из себя сухие, полные мучительной борьбы и самоиронии слова:

— Потому что... — его голос звучал едва слышным шепотом, но отчетливо прорезал застывшую тишину, — ...я не могу... снова смотреть, как ты... исчезаешь у меня на глазах...

Он резко поднял голову. В золотых глазах больше не было ни гнева, ни безумия — лишь обнаженная, загнанная в угол боль и отчаянная искренность.

Этот взгляд, обжигающий, словно пламя, несущий тяжесть всех перерождений и невыразимых чувств, врезался в самую душу Цзян Яня.

— Цзян Янь... — он произнес его имя. Больше не Юомин, не холодный императорский титул, а лишь мольба, пропитанная глубочайшей одержимостью. — Я...

Дальше он не сказал ни слова... да и не нужно было.

Эти золотые очи, горящие болью и одержимостью, этот жгучий взгляд, готовый поглотить саму душу, это имя, вобравшее в себя тяжесть бесконечных перерождений... все указывало на ответ, о котором Цзян Янь никогда не думал и помыслить не смел.

Словно небесный гром ударил в самую глубину его души!

Цзян Янь вздрогнул. Его холодные, спокойные фиолетовые глаза вмиг заходили ходуном, как ледяное озеро, в которое бросили огромный валун. Шок, растерянность, абсурд, неверие — целый шторм эмоций накрыл его с головой!

Любовь?

Лу Чэнь... любит его?

Тот самый Небесный император, который вечно придирался к нему и враждовал с ним бесконечные эпохи... любит его?

Как это возможно?!

И все же, нескрываемая боль и одержимость в глазах Лу Чэня, его безумие, когда он был готов уничтожить половину души, лишь бы защитить его истинный дух, его клятва пойти против Трех Миров ради него... все это холодно и жестоко подтверждало этот абсурдный, но неоспоримый факт.

Холодный рассудок, закаленный тысячелетиями правления Юомином и циклами перерождений, в этот миг пошатнулся под ударом чувств, выходящих за рамки его понимания.

Как ему ответить?

Принять? Отвергнуть? Или... сделать вид, что ничего не слышал?

Цзян Янь застыл, не сводя фиолетовых глаз с золотых зрачков Лу Чэня, в которых застыло ожидание приговора.

Время словно растянулось и исказилось.

Серо-фиолетовые миазмы безмолвно текли между ними, а рык демонов вдали стал казаться далеким и неважным.

Прошла целая вечность, прежде чем Цзян Янь крайне медленно, по крупицам, вытянул свою руку из ослабевшей ладони Лу Чэня.

Он больше не смотрел в глаза Лу Чэню, а слегка отвел голову, устремив взгляд вглубь искаженного, жуткого леса, словно ища какую-то невидимую точку опоры.

Его грудь тяжело вздымалась — он пытался обуздать бушующий внутри ураган.

Наконец, он заговорил голосом, в котором вновь появилась холодность, но теперь он звучал еще глуше и хриплее, будто стертый наждачной бумагой:

— Впредь... — он сделал паузу, словно подбирая слова или пытаясь подавить странное, сбивающее с толку чувство. — ...не делай глупостей.

Голос оставался ледяным, но в нем больше не было бездушного приказа. Теперь в нем слышалось нечто скрытое, чего он сам не осознавал... уступка? Или, быть может, тяжелое обещание?

Он не ответил на чувства, намеренно избежав этого ошеломляющего ответа.

Но он и не отверг, не осудил безумие Лу Чэня.

Он выбрал ответственность, выбрал тернистый путь, по которому им суждено было идти вместе.

— Эти Три Мира... — Цзян Янь наконец повернул голову, снова посмотрев на лицо Лу Чэня. В глубине его фиолетовых глаз шторм немного утих, сменившись еще более холодным, но твердым решением. — ...мы вернем вместе.

Не Я, не Небесный император.

Мы.

Это было обещание Великого Императора Фэнду Императору Хаотяню.

Обещание Цзян Яня — Лу Чэню.

Вернуть вместе!

Вернуть разрушенный Небесный Двор, вернуть павшее Царство Мертвых, вернуть принадлежащие им божественные престолы и славу!

Это холодное обещание, подобно тяжелому камню, упало в смятенное сердце Лу Чэня, развеяв отчаяние и неуверенность, которые готовы были его поглотить.

Он не ответил на его любовь.

Но и не оттолкнул его.

Он выбрал идти рядом.

Боль и отчаяние в глазах Лу Чэня медленно отступили, сменившись невыразимо сложным блеском — в нем были и разочарование, и облегчение, но больше всего — глубокое спокойствие, словно пыль наконец осела, и слабая надежда, подобная лучу света, пробивающемуся сквозь трещину в безнадежной тьме.

Он дернул уголок рта, желая улыбнуться, но мышцы лица были слишком напряжены.

В конце концов, он лишь пристально посмотрел в фиолетовые глаза Цзян Яня, в которых вновь поселились холод и решимость, и хрипло ответил:

— ...Хорошо.

Холодное обещание, хриплый ответ.

Ни объятий, ни громких клятв.

Лишь две выпрямившиеся фигуры, израненные, но стоящие плечом к плечу посреди серо-фиолетовых миазмов.

Далекий рык демонов в этот миг перестал казаться таким удушающим.

<http://bllate.org/book/18859/1839912>